

Кёльнская королевская хроника

Падение Константинополя, 1204

[14.15]

В том же году (1204) Константинополь, построенный Константином Великим и до сих пор бывший непобедимым городом, был осаждён и захвачен.

Когда-то именно император Константин, крещёный святым Сильвестром, передал Рим и всю Италию святому Петру и его преемникам, построил в Греции город, прежде именовавшийся Византием, назвав его своим именем, Константинополь, и определил его в качестве местопребывания римской власти и столицы всей Западной Европы. Последующие императоры также украсили его замечательными сооружениями, наполнили богатствами и разместили там мощи святых апостолов и другие святыни, привезённые ими из многих частей света. И вот, теперь, когда этот город был захвачен, в нём обнаружили несметные, ни с чем не сравнимые, богатства, драгоценные камни, а также часть креста Господня, привезённую из Иерусалима святой Еленой, отделанную золотом и драгоценными камнями, весьма почитаемую там во все времена. Теперь присутствующие епископы разрезали его и вместе с другими драгоценными реликвиями разделили среди благороднейших людей, которые после своего возвращения на родину раздали его по церквям и монастырям.

Каким образом город был сначала завоёван, а затем вновь передан Алексею и его отцу, свергнутому с престола и заключённому в тюрьму его собственным братом, можно узнать из следующего письма, которое граф из Св. Павла отправил герцогу Брабантскому.

Письмо.

"Своему близкому другу Генриху, герцогу Лёвена, благородному мужу, Хуго, граф из Св. Павла, передаёт привет. Мне хотелось бы сообщить Вашему Высочеству о состоянии беднейшего воинства Иисуса Христа. Так знайте же, Ваша Светлость, что Алексей, сын Тирсака, бывшего императора Константинополя, ослеплённого своим братом из-за стремления захватить власть, пришел к нам в Корфу и, пав на колени, слёзно умолял всех нас, дабы мы отправились с ним в Константинополь и оказали ему помощь, чтобы он при нашем содействии смог свергнуть с трона своего дядю, совершившего такое злостное преступление против его отца, из властолюбия захватившего и незаконно присвоившего себе трон.

По этому поводу у нас возникли большие разногласия и ужасный шум, так как все кричали, что они хотят отправиться в Аккарон, а тех, кто одобрил поход на Константинополь, было чуть больше двадцати.

Среди них был некий маркграф, бывший граф Фландрии, граф Людевих и другие, имена которых здесь упоминать не будем. Они ясно представили всему войску, что поход на Иерусалим был бы для всех бесполезен и губителен, поскольку сами они неимущи и не запаслись продовольствием, а также никто из них не смог бы заплатить жалования рыцарям и денежного содержания вассалам, подтащить метательные орудия и подвезти другие военные приспособления.

В конце концов они с трудом нас успокоили, лишь при условии, что они пробудут в Константинополе никак не более одного месяца, разве, что останутся по своей собственной инициативе. Однако им возразили, что если намерение остаться на короткое время станет известно, то это будет нам невыгодно, так как греки станут меньше нас бояться, если заранее узнают о коротком сроке нашего пребывания. Все же они добились от нас, чтобы им была дана прочная гарантия того, что наша задержка продлится только один месяц.

Так и случилось. Затем молодой император обещал нам, что он выдаст всему нашему войску на целый год продовольствия и обеспечит десяти тысячам рыцарей содержание на один год в Святой Земле. Еще он пообещал в течение всей своей жизни за свой счет держать 500 рыцарей в Святой Земле и выплатить венецианскому герцогу сто тысяч марок серебром и столько же нашему войску. Договорившись об этом, найдя общую выгоду, мы поднялись на корабли и, пройдя на них восемь дней, встали на якорь в заливе Буккеавие, откуда по расчетам до Константинополя было 100 часов пути, а путь туда проходит через узкий пролив с быстрым течением, называемый Рукав святого Георгия. Мы проплыли его и взяли курс к земле против Икония, прямо к заливу, отдалённому от Константинополя одним часом пути. Там мы изумились, очень удивляясь тому, что у находящегося с нами молодого императора, не было ни друзей, ни родственников и что к нему не прибыл ни один посланник, чтобы прояснить ему положение дел в Константинополе.

Однако император, находящийся в настоящее время у власти, быстро отправил своих посланников к венецианскому герцогу, маркграфу, графу Фландрии, графу Лудевиху и к нам. Поэтому мы организовали друг с другом общий совет и заявили, что вообще не будем говорить с посланниками императора, прежде чем он не оставит императорский трон, в противном случае мы не будем слушать ни его самого, ни его посланников.

Нам не хотелось, чтобы греки подкупили нас подарками или переубедили. Тем временем, армия императора на противоположном берегу была готова помешать нам переправиться и явно выказала желание с нами сражаться. Как только мы об этом узнали, то поспешили покаяться во всех своих грехах, полагаясь только на божественное милосердие. Затем мы построились в боевые порядки и вооружённые все, как один, сели на баржи и галеры; а всего средств, пригодных для переправы, было 200, не считая лодок и барок.

Когда мы, ведомые Богом, достигли того берега, все греки, собравшиеся чтобы помешать нашей переправе, по Божьей милости побежали от нас так быстро, что мы даже едва смогли настигнуть одного из них, раненого стрелой. Затем мы дошли до одной сильно укреплённой башни, называемой Галата, к которой была прикреплена очень толстая железная цепь, перекинутая через поперечную балку и тянущаяся через море, доходя до самых городских стен. Эта цепь ограждала залив, и к тому же суда и городские галеры с барками были связаны друг с другом, чтобы не дать нам войти. Кроме того, на упомянутой башне для ее обороны были размещены английские, пизанские, геновские и датские наёмники, которые когда им вздумается вылезали наружу и снова скрывались, обстреливая наших стрелами.

По поводу этой башни мы совещались с венецианским герцогом, очень умным и опытным человеком, и сказали ему, что ее нельзя взять никаким иным способом, а только с помощью подкопа и метательных орудий. Тот ответил нам, что подведёт к вышеупомянутой цепи свои корабли и установит на них метательные орудия вместе с различными осадными машинами, а нам надо будет с суши возвести леса, и тогда с

Божьей и нашей помощью осаждённую со всех сторон башню легко можно будет взять.

Во время этого обсуждения спрятавшиеся наёмники совершили стремительное нападение на наше воинство, обстреляв его стрелами. Однако они не смогли нанести нам никакого вреда, и, будучи быстро отбитыми, понесли гораздо больше потерь среди своих.

На третий день, после того, как мы поставили там свои палатки, неприятели, внезапно появившись из-за них и предприняли новую атаку на многих наших рыцарей и их пеших оруженосцев, зайдя на нас с тыла. Однако подошёл Петер Браилькульский со многими вооружёнными рыцарями и дружинниками и обрушился на них таким стремительным броском, что они не смогли не только устоять перед ним, но даже отступить под защиту башни. Некоторым из них перед натиском наших пришлось броситься в море, где они и утонули, другие были убиты, остальные попали в плен. Сразу же башня при чудесном божьем содействии без всяких осадных приспособлений была захвачена и цепь разорвана. Вскоре корабли отошли к городу, залив стал свободен для наших судов и его заполонило множество галер, барж и барок.

Построившись в боевой порядок, мы сами и наши корабли продвинулись вдоль берега до самого каменного моста, находящегося в часе пути от той башни. Этот мост был длинее малого парижского моста, но при этом настолько узок, что три рыцаря бок о бок едва могли пройти по нему, а вода была глубока и мы не могли бы переправиться в другом месте, не пройдя большой крюк. При этом, находясь далеко от своих кораблей, мы бы подверглись большой опасности и понесли бы потери.

Когда мы подошли к мосту, то по милосердию божьему переправились без всяких препятствий и, продвинувшись дальше, расположились лагерем между дворцом императора и дворцом Боэмунда, причём так сильно приблизились ко дворцу, называемому Плахерна, что наши стрелы долетали до дворца и попадали в его окна, а стрелы греков пролетали над нашим лагерем.

Затем мы вбили вокруг нашего лагеря толстые колья, окружив его оградой, и после этого соорудили осадные машины и метательные орудия перед стенами. Венецианский герцог, кроме того, на каждом корабле из парусных жердей сделал очень высокий мост, высотой около 100 футов; по этому мосту могли пройти шеренгой четыре рыцаря. Еще на каждой барже был установлен магнель (*осадное орудие*).

Во время этих приготовлений греки пешими и конными много раз стремительно нападали на нас, но ничего этим не достигли. Однажды большое число рыцарей, толпами вывалившееся из ворот, которые открылись правее и выше дворца, выступило вперёд и вынудило нас на битву, однако наши сильным и стремительным ударом смело отбросили их так, что многие из них, втаптывая друг друга в грязь, попадали на землю. Среди них вместе с многими другими был убит сын герцога Дурато, считавшийся у жителей Константинополя особенно храбрым.

Также на следующий день отряд рыцарей из города вырвался из ворот Влахерны на ту сторону, где мы собирались возводить осадные приспособления, однако с божьей помощью они были с позором решительно отброшены назад. При этом к нам в плен

попал один знатный человек, советник императора, влиятельный и искусный в военном деле, как все жители Константинополя.

В среду был составлен план битвы и в соответствии с ним на следующий день было решено начать штурм города, а именно: герцог Венеции должен штурмовать с моря, а граф Фландрии, граф Людевих и с ними маркграф — с суши. Я же с М. Монморанси, маршалом Шампани и О. Сен-Шерон, должны были во время штурма охранять лагерь снаружи между валами и полем, что мы и выполнили.

После того, как построились отряды и определён план, герцог и его венецианцы с некоторыми из наших, которые будут вести битву со стороны моря, подвели корабли вплотную к стенам, поставили к стенам лестницы, решительным натиском вторглись в город, захватили тридцать башен, причём сами поразились такому количеству, и сожгли значительную часть города.

Наши также начали штурм с суши и подобным образом приставили к стенам лестницы и водрузили знамёна и флаги. Подкопщики, подрыв стену, повалили башню. Тогда император из-за пожара города и нашего натиска со всех сторон у каждых ворот, которые выводили на поле, выставил очень многочисленные отряды рыцарей, чтобы отовсюду напасть на нас, окружить и уничтожить.

С другой стороны мы тоже построили наши боевые порядки, граф Фландрии со своими людьми и я — со своими, оба наших отряда выстроились клином. Мы были настороже, ехали верхом в строгом порядке, примыкая вплотную друг к другу, в сторону противостоящей нам боевой шеренги, так близко приблизившись к неприятелю, что их лучники и метальщики попадали в нас, равно как и наши в них. Когда они увидели, что мы были отважны и непоколебимы, продвигаясь вперёд стройными и сплочёнными рядами, и не так-то легко нас можно было победить или остановить, они отступили сильно поразившись и испугавшись нас, так и не отважившись, слава Богу, сражаться с нами.

Знайте же, что наших во всех отрядах было не больше пятисот пеших и столько же конных рыцарей, а пеших дружинников у нас было не больше двух тысяч, большая часть которых находилась у наших осадных орудий, охраняя их. Увидев их бегущими, мы не стали их преследовать, опасаясь, как бы они путём коварства и засады не нанесли вреда нашему лагерю, нашим осадным орудиям и башням, уже захваченным венецианцами. Император поклялся, что когда он ночью вернётся в свой дворец, то на следующий день начнет с нами сражаться. Среди той ночи он тайно бежал оттуда.

В четверг как раз мы и должны были сражаться, как обещал император. Между тем, на следующее утро при божьей помощи город сдался нам. Это случилось, когда прошло восемь дней с начала осады. Тогда император Тирсак и императрица, его супруга, сестра венгерского короля, которые долго содержались в ужасной тюрьме и были заключены, выразили свою огромную благодарность с заявлением, что они благодаря божьей милости и нашей помощи были освобождены из тюрьмы, возвратили себе почёт власти, а мы теперь с их долго отсутствующим сыном на следующей день должны будем вступить в их дворец так, как будто бы он был наш. Мы так и сделали и с большим почётом пировали у них в дружеском расположении. Однако, я желал бы донести до Вашего сведения, что в деле Спасителя мы добились того, что Восточная церковь, центр которой раньше находился в Константинополе, теперь опять, как это было с давних пор, вместе с императором и всей его империей, связана с ее главой, римским Папой, и снова признается в качестве дочери римской церкви и впрямь, как обычно, склонив голову, станет повиноваться ему в полном

смирении. Также сам патриарх этой церкви, благоприятствовал и поддерживал это дело, впредь обратится к римскому престолу, дабы принять от высших церковных князей паллий своего звания и уже клятвенно поручился в этом вместе с императором.

Соблазнённые такими огромными и многочисленными преимуществами и связанные святой надежды на будущие блага, мы решили перезимовать в этом городе и уже велели сообщить об этом нашим братьям, ожидающим на той стороне моря нашего прибытия, дабы они, услышав радостное известие о наших успехах, участниками которых мы страстно желали бы видеть и их, будучи поддержанные святой надеждой ждали нас из Константинополя.

Знайте же, что мы обязуемся довести до конца рыцарскую битву перед Александрией против султана Вавилонии (*так называли Египет*). Если кто-то желает служить Богу, служить которому, значит властвовать, и снискать себе среди рыцарства славу выдающегося и знаменитого, он принимает крест, следует за Господом и приходит на его турнир, к которому его призывает сам Господь. Прощайте"